

Т.В. Смирнова

Отдел современного искусства в музее «Абрамцево»

«Бубновый валет» позади. Что дальше?

Если спросить любого жителя Хотькова, бывал ли он в Абрамцево, обеспечен ответ: «Конечно, и не раз!» А если спросить, бывал ли он в советском отделе? Здесь такого хорошего ответа, пожалуй, не получишь. Сто же отпугивает людей? Термин «советская живопись» в сознании многих связана с так называемым социалистическим реализмом, с теми сотнями безликих картин, которые можно увидеть на любой выставке, в школе, больнице, гостинице и т.д. Картин, авторов которых невозможно различить и под страхом смертной казни – всех этих розовощеких пионеров с горнами, красивеньких пейзажей, натюрмортов, которые должны свидетельствовать о повышении уровня благосостояния советского народа.

Поэтому человек идет, в который раз, в главное здание – усадебный дом (или в летнее время скандалит в кассе, потому что билетов в него не продают). Человек гуляет по парку, заходит в разные отделы музея (и весьма интересные, надо сказать) – кухню, баню-теремок, студию-мастерскую, церковь. Но, как черт от ладана, бежит от советского отдела.

А между тем ... А между тем, это интереснейший и ценнейший отдел музея. Для тех, кто знает живопись, всё скажут имена: Фальк, Кончаловский, Машков, Рождественский, Лентулов, Осмеркин ... Для тех, кто не слышал их, скажу так. Это художники, которые заявили о себе еще до революции. Это авангард русского искусства 1910-х годов. Это художники европейского уровня и в то же время очень русские, московские. Впрочем, в ту пору, пору расцвета России границы были прозрачны. Купцы-коллекционеры Морозов, Щукин покупали во Франции картины Сезанна, Матисса, Гогена, Пикассо. Русские ездили учиться живописи в Париж, в Мюнхен, в Италию. В Москве в

выставочных залах вперемешку висели картины французских и русских художников. В Москве, именно в Москве. Такой уж был город – притягивал живописные таланты. Петербургский художник А.Н. Бенуа писал, попадая в Москву, что чувствует себя так, «точно поднялся на высокую гору, где царит здоровье, где ясно светит солнце, где можно жить». В Москве «самый воздух как-то пьянит, дразнит, подстегивает, да и свет там иной, иные во всем краски».

Вот это искусство – здоровое, иногда грубое, порой пугающее, но всегда интересное, бодрящее – и возникло в Москве. У Машкова даже висел плакат: «В моей мастерской место здоровым и сильным». Группа московских художников назвала свою выставку «Бубновый валет». Бубновый валет в картах символизирует молодую горячую кровь. Открылась выставка в 1910 году.

Художники часто отличаются долголетием. Эти, прогремевшие в начале 1910-х, напугавшие, поразившие, вызвавшие взрыв негодования одних, восторга – других, не умерли в октябре 1917 года. Они умирали в 40-е, 50-е, 60-е годы. А, следовательно, неизбежно стали называться советскими художниками. Разумеется, за исключением тех, кто оказался за границей, как Ларионов и Гончарова, уехавшие в Париж еще в 1915-м.

Каждый прошел свой путь. Все со временем менялись. Но по-разному. Иные как-то быстро погасли, утратили тот здоровый, бодрый заряд молодых сил, пытались приспособиться к требованиям, нет, не жизни, чиновников от искусства. Грустно бывает листать их монографии – кривая стремительно идет вниз. Но некоторые, меняясь, искали новое, не утрачивали мастерства. Были обречены на забвение в течение многих лет, а потом оказалось, что создавали шедевры, которые мы теперь видим.

В Абрамцево недавно закончилась выставка со старым названием «Бубновый валет». Юбилейная – 80 лет. Вернулась постоянная экспозиция. Постоянная? Нет, это не то слово. «Советский» (я ставлю это слово в кавычки) отдел музея – самый живой отдел. Картины размещены по-новому.

Не так, как до «Бубнового валета». И это замечательно! Человек привыкает и перестает видеть вещь, находящуюся долго на одном месте. Ее переставили, и она снова привлекает наше внимание. Особенно это верно по отношению к картинам – немного другое освещение, иное окружение – и картина видится по-новому.

Конечно, художники представлены в музее с разной полнотой. Наверное, самый большой временной интервал у Роберта Фалька: от «Бутылок» 1910 года до «Хотьковского монастыря» 1954-го. Но Фальк в Абрамцевском музее – это тема отдельного большого разговора. Перо выпадает из рук, как сказал бы человек прошлого века.

Я приведу лишь одну цитату: «Живопись – это музыка цвета». Слова Фалька. И относятся они к его собственному творчеству, наверное, больше всего.

Но не удержусь: только несколько слов об одной картине «Репихово. Козы». Как-то по-новому я увидела я ее этой весной. Такую бесхитростную композицию не позволил бы себе, вероятно, ни один художник. И картина получилась, несмотря на небольшой размер, монументальной. Даль дана условно: не цветом, а только перспективой. И возникает ощущение безбрежности, и солнце, солнце, солнце... Кажется, что не оно освещает лужок – солнечный свет идет от самого полотна!

А козы написаны столь артистично, что замирает сердце. В этот раз рядом со мной был заведующий советским отделом музея Алексей Иванович Куншенко. Передал рассказ вдовы художника. Козы тогда вдруг ушли. Фальк как-то даже обиделся – не успел написать их. Тогда жена его принесла соли, пайковой соли (1947 год – соль по карточкам), и приманила коз назад. А сами потом картошку без соли ели, с килькой.

Блестяще представлен в Абрамцеве Всеволод Рождественский, художник, который как-то часто остается в тени более известных членов объединения «Бубновый валет». Его живопись хочется назвать мерцающей, перламутровой. Шли страшные 30-е годы, суровые послевоенные, а в

живописи Рождественского чистый воздух русского Севера, Беломорья, живое серебро только что вытасненных из воды рыб. Ощущение холодка летнего утра на Севере. К этому художнику можно отнести слова одного из критиков, сказанного о Матиссе: он «держит свои горести при себе. Он не желает их никому навязывать. Людям он дарит только спокойствие».

А дальше ослепляет Александр Осмеркин. «Натюрморт на фоне Уточьей башни» в угловом залитом светом зале на втором этаже (окна на Юг и Восток). Полотно кажется промытым и обновленным. В этом году столетний юбилей художника. И, конечно, стоит написать о нем специально.

А.В. Васнецов и А.И. Куншенко. Фото И.Л. Марона

А сейчас о другом. О том, кто работает уже давно в этом отделе, – человеке, благодаря которому музейная экспозиция не застыла. И дело не только в перевеске картин. Коллекция музея увеличивается с каждым годом (к сожалению, помещение отдела не расширяется). Конечно, в пополнении коллекции заслуга не только А.И. Куншенко. Вопросы приобретения решают и дирекция, и ученый совет. Алексей Иванович в разговоре со мной все время подчеркивал заслуги других членов музейного коллектива. Оказалось, что часто ездят на закупки целой бригадой. «Психологически это важно, – говорит он. – Вот поехали недавно мы все к вдове художника Попкова. Договаривался я о двух картинах. Предполагали часок посидеть. А

просидели 8 часов, два раза чай пили. И отдала нам вдова целый ряд графических работ».

И все же именно Куншенко находит, что купить. Недавно, например, пополнилась экспозиция натюрмортов Евгении Малеиной – удивительно тонким по цвету полотном (недаром ученица Фалька).

Да еще занимается заведующий отделом тем, что записывает на магнитофон рассказы художников и их родных. Но замечательная коллекция записей под угрозой гибели – старые магнитные ленты стали рассыпаться. И нет у него сейчас возможности их переписать.

И еще сырость и холод даже в солнечный майский день пронизывают залы музея. А зимой иногда приходилось и вовсе закрывать.

Но Куншенко не сдается: «Предлагают дать работу Лентулова на выставку за границу. Одам, если деньги на ремонт котельной пойдут».

И вот недавно новое приобретение: 6 панно Петра Кончаловского. Ранних, почти никем не виденных. Купец один ему заказал. А увидел и не взял – испугался непривычной живописи. Но, правда, и денег назад не потребовал. Так и лежали полотна долгие годы в чулане, забрызганные побелкой. Насыщенный цвет, яркая и чуть мрачная декоративность. Знойная природа Юга. Художник ездил в Испанию, Италию, во Францию. Оттуда, видимо, такие темы: «Сбор оливок», «Сбор винограда». Пока еще панно висят в кабинете заведующего. Нужна реставрация. Встреча с ними в залах еще музея впереди. Но я уверена – она состоится. Даже в наше трудное время музей найдет возможность провести реставрационные работы. А уж говорить с Куншенко о живописи – одно наслаждение. Чувствуется глубокое проникновение и к тому же умение несколькими штрихами охарактеризовать художника, сделать сравнение, указать на какую-то деталь, ту, что раньше ускользала от внимания. Так, в картине с репиховскими козами это он показал мне, что не цветом сделана перспектива, а только уменьшением размера сарая, стоящего на заднем плане. Может быть, многое

удается этому человеку потому, что он не только искусствовед, но и сам художник.

Но знаете, что грустно? Прошла мимо нас по залу группа школьников. Нет, не прошла – почти пробежала. Бежать по-настоящему мешали музейные тапочки. Не видят. Александр Блок писал: «Живопись учит смотреть и видеть (это вещи разные и редко совпадающие)». Но эти дети даже не смотрели... Приезжие.

Ну, а если наши дети – хотьковские, загорские? Вы уверены, что они бы видели?

Опубл: Хотьковский вестник (городская газета). № 22. 26 июня 1992 г.

Осенний праздник в Абрамцево

В субботу 8 октября 1994 г., абрамцевский парк был полон гуляющими людьми. Шуршали под ногами ржаво-коричневые листья. Горели огоньки львиного зева возле усадебного дома, отцветали левкой. Синело небо. Удивительная осень в этом году...

Праздник природы соединился с праздником искусства. В тот день была открыта выставка Николая Ивановича Андропова. Представлено 56 живописных и графических работ из собрания музея.

На открытии Н. Андронов, поблагодарив администрацию, как того требуют правила хорошего тона, обратил особое внимание на подвижническую деятельность научных сотрудников отдела. Сколько ведется разговоров о необходимости создания музея современного искусства в Москве или в Петербурге, а вот в Абрамцево такой музей существует уже более 20 лет.

И художнику не все равно, с кем выставляться рядом. За последнее время из экспозиции были убраны случайные, второстепенные произведения, но прибавились работы нескольких крупных мастеров.

Только слабый художник старается выставить свои картины среди посредственностей. Художник такого масштаба как Николай Андронов, наоборот, заинтересован в достойном окружении. А этим и отличается отдел современного искусства Абрамцевского музея. Ведь тут собраны работы Кончаловского, Лентулова, Осмеркина, Рождественского, Малеиной, Фалька – классиков, к которым можно уверенно причислить и Андронова.

Надо отметить и превосходную, продуманную экспозицию, что является постоянной отличительной особенностью этого отдела. Она, может быть, и не видна зрителю-неспециалисту, как не видна бывает режиссура спектакля. Но художник-то знает, какой за этим стоит огромный и сложный труд. И заведующий отделом А.И. Куншенко умеет организовать на подготовку выставки весь отдел: и научных сотрудников, и служителей. Проводятся выставки в залах, где обычно размещена основная экспозиция. И приходится менять местами практически все картины. Задача эта решается каждый раз по-новому, но неизменно блестяще. И при немного другом освещении, в соседстве с другими картинами в них открываются какие-то новые грани. Так, я снова (в который раз!) по-иному увидела Фалька, Малеину – каждому отдано по целой стене.

А на открытии выставки прозвучали выступления художников А. Васнецова и С. Горяева, искусствоведов Г. Плетневой, В. Невского и др. Андрей Владимирович Васнецов указал на странную судьбу некоторых настоящих художников: их имени нет в толстых книгах по истории советской живописи. «Но, несмотря на засилье пошлости и слева, и справа, – сказал он, – такой художник как Андронов займет в истории искусства почетное место. Это один из самых замечательных художников XX века».

Искусствовед-реставратор В. Невский знает его работы чуть ли не с детских лет. Он говорил о том, что Николай Андронов начинал, как и другие дети, с однообразно прописанных вещей. Научился иллюзорно изображать натуру, освоил всю премудрость, которой учат в Академии художеств. Как часто академическая культура подавляет художника, как вынуждая

продолжать работать в этом стиле. Андронов смог преодолеть давление академического мастерства и вырвался на простор самостоятельного творчества, не забыв при этом уроков Академии? В его работах редкое сочетание стихии чувств и рационального контроля над ними. Он ставит перед собой высочайшие задачи и решает их так, что его живопись можно назвать классической.

Я была на этом вернисаже со школьниками 8–10-х классов, у которых только начались занятия по мировой художественной культуре. Не всем были понятны с первого раза картины Андропова. Но многие уже почувствовали притяжение этих работ. Андронов не привлекает зрителя ни дотошным сходством с натурой – его нет, ни кричащей яркостью цвета – его краски приглушены. Но градация коричневых, серых, черных тонов подобна тихой музыке. Вот картина «Осенний пейзаж», написанная земляными красками. На ней печать грусти. Какое-то ощущение незащечности нашей северной природы, этих деревенских лошадок – они стоят с такой покорной безысходностью. Их силуэты едва проступают на плоскости холста. «Поздняя осень, грачи улетели, лес обнажился, поля опустели ...»

И так щемяще жаль чего-то. То ли ушедшего, то ли потерянного, то ли упущенного в жизни. Того, что не вернешь ...

Опубл.: Вперед (Общественно-политическая газета Сергиево-Посадского района Московской области) № 150. 25 октября 1994 года.

«Охота к перемене мест ...»

Нет, каждый раз, как прихожу в отдел современного искусства Абрамцевского музея-заповедника, без спора не обходится:

- Не видела я этой картины никогда, Алексей Иванович!
- Вы не могли ее не видеть. Она была на выставке, на которой Вы были, про которую писали – возражает заведующий отделом А.И. Куншенко.

Ему, конечно, лучше знать, какие картины были на выставке. Но и я права: на картину-то я, наверное, смотрела, да не видела ... А сейчас повесили ее по-другому, и увидела. Вот недавно одна из знакомых мне сказала:

– Да была я в этом отделе!

– Когда?

– Года два назад.

– Да ведь это все равно, что не были, – говорю. – За два-то года ого-го сколько переменялось. И обязательно что-нибудь новое выставили. А что-то по-новому повесили, так что увидите все равно, как в первый раз.

Вот и сейчас – закрылась выставка Андропова, и опять обновилась экспозиция. По-новому засверкал зал графики, просто глаза разбегаются. Тут и кот Бегемот С. Алимова (с Коровиным и Аззелло), и тончайшие пейзажные акварели А. Лабаса, и ослепительно яркие работы Т. Мавриной, подобные вспышкам света и цвета ... Видела я раньше Маврину? Да, вот, пожалуй, этого кота с желтым подсолнухом видела, висел на лестнице. А пейзаж села Арханова? Был он, не был? Не помню. Должна была обратить внимание на это напряженное сочетание насыщенно-желтого цвета поля и невыносимо жаркого, лилового неба. Но не видела. А сейчас не могу оторваться.

И от В. Рождественского не оторваться. Его точно видела, много раз. И пусть говорят искусствоведы, что картины в один ряд развешивать надо, чтобы каждая на уровне глаз была. Так в известных московских музеях теперь делают. Нет, это как в литературе: все жанры хороши, кроме скучного. А.И. Куншенко блестяще опровергает такой принцип развески, занимая, например, всю стену, картинами одного художника, смело сочетая разные жанры, полотна разного размера, размещая их в несколько рядов. И как же порой может засиять большая картина, окруженная россыпью маленьких работ. Такое произошло с женским портретом Андрея Васнецова и его пейзажами.

А иногда поместит Куншенко графическую работу в витрину, И вот уже от сенокоса Надежды Удальцовой нельзя отвести глаз.

Все течет, все меняется, – заметил древний философ. Но был ли он прав, думаешь, глядя на экспозицию иного музея. (Я не говорю о музеях мемориальных). Увидишь прекрасную экспозицию. Проходит и год, и два, и десять лет, а ни одна вещь не сдвинулась с места.

Мне приходят на память строки Пушкина:

*Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест
(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест).*

Вот к этим немногим и принадлежит А.И. Куншенко. Кто бы осудил его, когда бы после очередной выставки все вставало на свои места? Но тогда был бы другой музей – музей, рассчитанный на одноразового посетителя. А в этот музей каждый раз приходишь, как в новый. Несет заведующий отделом «добровольный крест».

Опубл.: газета «Вперед». Октябрь 1995.

С юбилеем!

Отделу современного искусства Абрамцевского музея исполнилось четверть века. По этому поводу 6 июля 1996 г. в его залах собрались художники. По форме это мероприятие напоминало собрание: приветственная речь директора И.А. Рыбакова, экскурс в историю руководителя отдела А.И. Куншенко, поздравления собравшихся, вручение подарков. А по сути – это была встреча друзей, теплая и непринужденная. Народу собралось много, люди все подходили и подходили, так что и стульев не хватило, и места в небольшом зале на втором этаже. Опоздавшие сидели и стояли в соседнем зале. И это несмотря на дождь, зарядивший с утра.

Хорошая получилась встреча, главным лейтмотивом ее были воспоминания. Вспомним и мы, как все начиналось.

«А я строю дачу, и она уже подходит к концу, но надо застеклить окна и поставить 4 печки, если я хочу уже в ноябре туда наезжать на работу и отдых», – писал 8 октября 1935 года Игорь Грабарь Корнею Чуковскому. А в конце декабря он сообщал ему: «Хотя не все удалось сделать на даче так, как хотелось бы и как я предполагал, потому что всегда все это выходит на деле втрое дороже, чем по смете (Вы это хорошо знаете по опыту), но все же и теперь будет довольно уютно, и я надеюсь в ближайший Ваш приезд повезти Вас в Новое-Абрамцево».

Вот и произнесено название – Новое-Абрамцево или Ново-Абрамцево – поселок художников на левом берегу Вори близ усадьбы Абрамцево. Кто выбрал для поселка именно это место? Видимо, Грабарь, поселившийся в этой местности еще в 1926 году и построивший позже дачу. Строил он по своему проекту и на свои деньги. Эта высокая дача, окруженная кустами сирени, запечатлена им на одной из картин.

А сам поселок начали строить в 1934 году на государственные средства. И был он сначала рассчитан всего на 10 дач. В 1930-е был построен в Абрамцево и дом отдыха для работников искусств, где жили и работали многие живописцы и графики. Так и получилось, что не заглохло Абрамцево как центр художественной жизни.

И естественно через некоторое время возникла мысль о создании в Абрамцевском музее отдела современного искусства. Осуществил ее 25 лет назад В.С. Манин, бывший тогда директором музея, а бессменным заведующим стал А.И. Куншенко.

За эти годы разрослась коллекция произведений художников, связанных с Абрамцевым. Но отдел и донныне размещается в давно ставшем тесным для него здания бывшего дома отдыха. Впрочем, нет худа без добра. Ограниченное пространство не позволяет показать все. Но можно ведь показать лучшее.

На юбилейной встрече с художниками прозвучали слова: «обновленный музей». Это так. В последнее время экспозиция отдела подверглась основательной «чистке». Но правильнее, может быть, сказать – обновляющийся музей, вечно обновляющийся. Потому что каждый год, даже полгода видишь в нем новую, измененную экспозицию.

Существуют музеи, приспособленные для рассматривания картин с большого расстояния. Здесь залы небольшие. Какой же выход? А.И. Куншенко постоянно использует такой прием: картины можно видеть из соседнего зала. При этом он создает настоящие композиции из картин. Особенно хорошо и по-новому смотрится, например, в экспозиции, подготовленной к юбилею, светоносная живопись Н.А. Егоршиной, открывающаяся посетителю из предыдущего зала.

Но не должно быть обидно и тем художникам, которым пришлось на время потесниться. Ведь пройдет какое-то время, и экспозиция снова изменится, и снова кому-то «повезет». Тем более, что собрание отдела на юбилейной встрече пополнилось подаренными работами А. Васнецова, В. Цигаля, Н. Андропова, Н. Егоршиной, В. Горяева, Т. Мавриной, С. Алимова.

Опубл.: Краеведческий вестник (приложение к газете «Вперед») № 22, июль 1996.

Выставка портрета в Абрамцево

На открывшейся 26 сентября 1998 года в Абрамцевском музее-заповеднике выставке «Русский портрет XX века» я вспомнила высказывание Ю.А. Олсуфьева о возрождении изобразительных искусств в России в конце XIX века (статья «Иконопись» в сборнике «Троице-Сергиева лавра», 1919). Французские художники-импрессионисты, как он считал, первыми противопоставили творческий подход к изображаемому объекту стремлению художников-реалистов сделать живописное изображение возможно более близким внешне к натуре. Сто лет назад в России было создан «Мир

искусства» – объединение художников и мыслителей во имя прекрасного. Затем возникли многочисленные иные творческие направления вплоть до кубизма. И Олсуфьев находит сходство этих направлений с древнерусской живописью. Именно в творческом подходе к изобразительству художников конца XIX – начала XX века он видит возрождение искусства, которое и привело к пониманию иконописи Древней Руси.

Мы знаем, что на смену творческим поискам в начале 1930-х гг. пришел социалистический реализм сталинского времени. Многообразие направлений осталось в прошлом. Лишь очень немногие художники сохранили тогда свое лицо. Но вот настала известная хрущевская оттепель, и заявила о себе группа художников так называемого «сурового стиля». Люди старшего поколения еще помнят, как громил их Хрущев после выставки в Манеже. Однако они не изменили выбранному направлению.

На открывшейся выставке хорошо представлены работы именно этих художников-«шестидесятников»: А.В. Васнецова, И.В. Голицына, Н.И. Андропова, Н.А. Егоршиной. Колорит большинства их работ очень сдержан. Характерна недоговоренность. Лица портретируемых порой едва намечены. В них надо вглядываться и вдумываться.

Превосходен впервые выставленный в Абрамцево портрет А.В. Васнецова, сделанный Н.А. Егоршиной четверть века назад. Невозможно пройти мимо. Холст словно вибрирует серовато-голубыми тонами. Я подошла к Андрею Владимировичу, спросила о портрете. Он сказал, что художница попросила его посидеть всего часок. Может быть, поэтому, думаю я, портрет оказался удивительно свежим.

А такая работа самого А.В. Васнецова как портрет Насти Васильцевой, давно находится в экспозиции. Но сейчас он засиял по-новому на новом месте. И глядя на него, обязательно вспомнишь, что Васнецов не только живописец, но и художник-монументалист – так величественен портрет этой молодой женщины, завернувшейся в полосатый коричнево-черный платок.

Особенно привлек мое внимание один из портретов Иллариона Владимировича Голицына. В Абрамцевском музее этот художник представлен впервые. Перед нами не просто портрет – скорее портрет-картина: странная темно-зеленая комната, окно под потолком. Отсчитывают время ходики. На стенах икона и картинка с кораблем. А внизу притулился маленький седой старичок с длинной белой бородой, словно вышедший из сказки. Это сказитель и певец былин, писатель и этнограф Б.В. Шергин, потом архангельских кораблестроителей и мореходов. Жил он в Москве, в комнатухе – бывшей келье Рождественского монастыря, где его и писал художник. Но еще Шергин с 1938 года много лет жил на даче в Хотькове. В дневниках он немало написал о Хотькове, о Троице-Сергиевой лавре, о природе этих мест.

Посетители найдут на выставке много известных имен. Некоторые работы увидят впервые, например, портреты П.П. Кончаловского, Н.А. Удальцовой из частных собраний. Впервые встретятся и с портретом композитора Хачатуряна, написанным Е.В. Пастернак, женой известного поэта, ученицей Р.Р. Фалька.

На выставке есть также скульптура и графика. И еще – большое мастерство экспозиции, чем всегда отличается отдел «Русские художники XX века» Абрамцевского музея.

Опубл.: газета «Вперед». № 110, 6 октября 1998.

Это имя должно было просиять ...

На выставках молодых художников обычно не смотришь на этикетки – все равно имена незнакомые. Но вот как-то на такой выставке я остановилась перед одной картиной. Изображен был стул. Просто стул. Долго смотрела. Потом прочла на этикетке: Федор Васнецов.

За долгие годы забылись и имена, и картины, виденные на многих выставках. А это имя осталось в памяти. Верила – оно должно просиять. Ничего не знала тогда об этом художнике. Не знала, что он правнук Виктора Михайловича Васнецова и сын Андрея Владимировича Васнецова.

А 5 октября 2002 года открылась в Абрамцевском музее выставка этого художника. Собранные в трех залах картины ошеломили. Большой талант чувствуется уже в его детских работах, занимающих почти целый зал. А вершиной творчества стали натюрморты и интерьеры 1980–1990-х годов. «Он, как никто, чувствовал движение и жизнь пространства», – сказал скульптор Д.М. Шаховской.

Почти все интерьеры написаны в одной комнате. Обычные стулья, книжные полки, диван, охотничьи собаки ... И словно свет струится с холста. Как в пасмурный день с земли, покрытой палыми желтыми листьями. Есть отзвук «сурового стиля» отца. Но Федор Васнецов – художник своего собственного направления. Как же он непохож на тех, кто в последнее время заполнил выставочные залы цветочками, куполочками, калинками, рябинками, березками, красотками ... Всей пошлостью «а ля рюсс».

А здесь все просто. Перед нами творения гения. Он и умер в возрасте гения – в 37 лет.

Опубл.: Газета «Вперед» № 114. 24 октября 2002.